

ANNA BALESTRIERI

The Hebrew University of Jerusalem (Jerusalem, Israel)

<https://orcid.org/0000-0002-9407-9930>

“Not a leader, nor an original thinker”. A portrait of the Russian Jewish journalist Mikhail Berkhin (Benediktov)

„ANI LIDER, ANI ORYGINALNY MYŚLICIEL”. PORTRET ROSYJSKO-ŻYDOWSKIEGO DZIENNIKARZA MICHAŁA BERCHINA (BENEDIKTOWA)

Streszczenie: Michaił Bierchin (Benediktow) to jeden z ważnych rosyjskich czy też rosyjsko-żydowskich dziennikarzy, przywódca syjonistyczny i lojalny zwolennik Władimira Żabotyńskiego. Jego obszerny dorobek dziennikarski w języku rosyjskim, angielskim, hebrajskim i jidysz pozostaje niemal nieznanym, a jego życie osobiste, działalność i twórczość literacka nie zostały dotąd zbadane. Niniejszy artykuł stanowi pierwszą, w zasadzie, próbę przedstawienia w miarę pełnego przeglądu dostępnego materiału biograficznego, dotyczącego Bierchina oraz jego dorobku ideologicznego i twórczego.

Słowa kluczowe: dziennikarstwo rosyjsko-żydowskie, Bierchin, Rosja, społeczność żydowska, Uniwersytet Charkowski, teatr „Goluboj glaz”

«НИ ВОЖДЬ, НИ ОРИГИНАЛЬНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ». ПОРТРЕТ РУССКО-ЕВРЕЙСКОГО ЖУРНАЛИСТА МИХАИЛА БЕРЧИНА (БЕНЕДИКТОВА)

Резюме: Михаил Берхин (Бенедиктов) был одним из важных русских и русско-еврейских журналистов, это сионистский лидер и верный сторонник Владимира Жаботинского. Его обширная журналистская деятельность на русском, английском, иврите и идише остается почти неизвестной, а его личная жизнь, деятельность и литературное творчество до сих пор подробно не исследовано. Данная статья представляет собою, в основном, первую попытку дать достаточно полный обзор доступного биографического материала, касающегося Берхина, а также его идейно-творческого наследия.

Ключевые слова: русско-еврейская журналистика, Берхин, Россия, еврейская община, Харьковский университет, театр «Голубой глаз»

Key:

CAHJP — The Central Archives for the History of the Jewish People (Jerusalem, Israel)

Jl-MBA — Jabotinsky Institute. Michael Berkhin Archive (Tel Aviv, Israel)

Gottman-BN — Jean Gottman, *Biographical notes on M.Kh. Berkhin* (Jl-MBA. P 45–1-55466; unpublished data)

PN	— “Poslednye novosti”
Ras-1	— Petersburgian “Rassvet”
Ras-2	— Parisian “Rassvet”

Mikhail Yur'yevich (Mikhael'-Khaim Uriyevich) Berkhin was born on October 3rd, 1885, in Velizh¹, a small town in the Vitebsk Governorate (now in the Smolensk region), the firstborn of an Orthodox Jewish family. His father Uri (1856–1911) was a rabbi, while his mother, Deborah (Khaya-Dvora, 1866–1935) Arlozorova, was the daughter of Rabbi Eliezer (Iyezekiil') Arlozorov. He was the author of the famous *Sefer Hagahot Eliezer* (1902). She was the aunt of Khaim (Viktor) Arlozorov (1899–1933), the future writer, publicist and one of the leaders of the Zionist movement, a member of the leadership of the Jewish Agency and the head of its Political Department. His murder in Tel Aviv, which caused a loud political scandal in its time, remains unsolved to this day.

In addition to Mikhail-Khaim, the family had two more sons: Shaul' and the youngest Avraam-Iyezekiil' (1901–1989). Shaul's fate was tragic: an anarchist in his political views, he died during the years of the Russian “Time of Troubles”, during the revolution and the civil strife that followed it in Taganrog in 1918. Iyezekiil' Berkhin, unlike his oldest brother remained in his home country. In his youth, he worked as a proofreader, then as a technical and literary editor. He lived a long life as a Soviet citizen, but his son Yuriy (Uri) Berkhin discovered, while reading his father's memoirs, that he had failed to realize his potential and his inner, deeply Jewish essence².

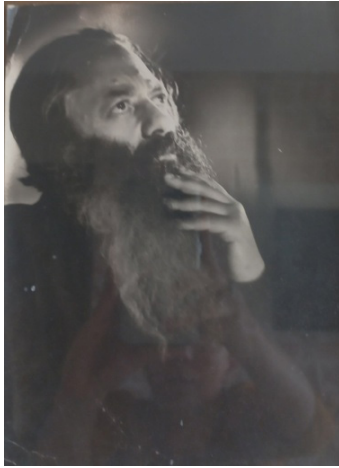
It seems that M. Berkhin, who left Russia in 1920, did not know the true fate of his younger brother. At least, Jean Gottman³, Berkhin's nephew and adopted son, writes in his father's biographical information that both his brothers died before him: the first, as mentioned above, during the Civil War, and the youngest during the Second World War in Ukraine⁴.

¹ Only on a few applications for a foreign visa (from France to the USA and vice-versa) are the date and place of birth Bialystock, Poland, September 20th, 1885. I assume that the applications were erroneous (see JI–MBA. 43–25–), while the Israeli journalist and writer Yitzhak (Aizik) Remba, in his book of memoirs about the Jabotinsky's comrades, whom he, a memoirist, personally knew, writes that Berkhin was born in Kharkov and, moreover, in 1886. A. Remba, *Kefi she-hikartim: Bnei doru shel Jabotinsky*, Hotzaat tnuat haHerut, Ramat Gan 1959, p. 143. Another Israeli journalist, Y. Margolin; who knew Berkhin from his last years in Tel Aviv, names 1887 as the year of his birth. Ю. Марголин, *Памяти М.Ю. Берхина [Ю второй годовщине смерти]*, “Новое русское слово” 1954, no. 15471, 5 сентября, p. 8.

² See materials on the family tree of the Berkhins, collected by Yu. (U.) Berkhin and stored in the CAHJP. P 357–1–1.

³ The name of the scientist-geographer Jean Gottman (1915–1994) is universally known today, particularly in connection with his monumental work *Megalopolis* (1961), which describes the structure of modern urbanized space, formed by the merging of several urban agglomerations.

⁴ Gottman–BN. Our editorial intervention was limited to copyediting.

Avraam-Iyezekiil' Berkhin (undated), photo.
Courtesy of Uri Berkhin (Anna Balestrieri, 2022).

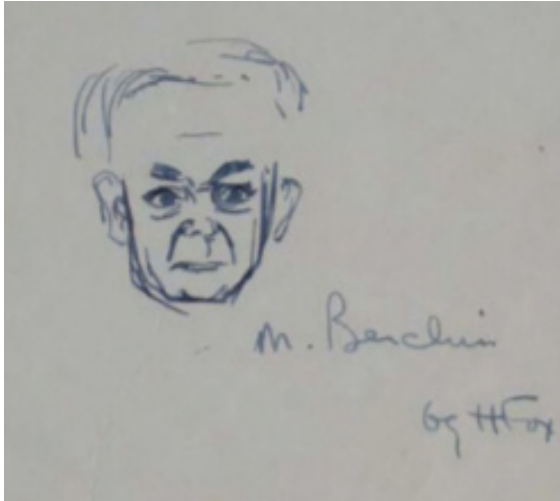
It seems that M. Berkhin, who left Russia in 1920, did not know the true fate of his younger brother. At least, Jean Gottman⁵, Berkhin's nephew and adopted son, writes in his father's biographical information that both his brothers died before him: the first, as mentioned above, during the Civil War, and the youngest during the Second World War in Ukraine:

Michail Yur'yevich received a traditional Jewish education, studying as a child in a *heder*. When his father-in-law passed away in 1901, his father Uri replaced him in Kharkov and the whole family moved. The move from the provincial town, with the atmosphere of a romantic and conservative *shtetl*, is described by Berkhin's adopted son and world-famous geographer Jean Gottman (Kharkov, 1915 – Oxford, 1994) in this manner (the record is dated October 8th, 1952):

A gay, progressive, happy world it was: while the elder generation was still orthodox in faith and practice, they did not impose much observance of all the rules on the younger generation. The Kharkov Jewish community was relatively not very numerous but was culturally advanced and materially well-off. [...] To M. B., whose first childhood had been passed under much stricter conditions, in a small town where the Jewish people were spying on the Reb's eldest son, lest he would play too much or indulge over much in normal childhood life, Kharkov led to a fast evolution. In Velizh he had been reading Jules Verne and Walter Scott in Hebrew. In Kharkov, he got

⁵ The name of the scientist-geographer Jean Gottman (1915–1994) is universally known today, particularly in connection with his monumental work *Megalopolis* (1961), which describes the structure of modern urbanized space, formed by the merging of several urban agglomerations.

full access to the Russian culture. These two periods of his childhood may explain how both a certain puritanism and an open-minded liberalism combined in his character and shaped a great deal of his personality. At the same time, although once an adult he felt completely at home in the most refined circles of the Russian *intelligentsja*, he was also deeply impressed by Jewish religion and culture⁶.

A portrait of Berkhin drawn by Jean Gottman (JI-MBA)

Probably this was the description of this *tranche de vie* that Berkhin himself gave to his adopted son, who was the author of an eight-page biography. That is one of the two accounts we have of the writer's life: moving to a bigger, cosmopolitan city opened up wider perspectives to the author.

The Kharkov of that time is defined as a great centre of trade and industry and having an active Jewish cultural life⁷. According to the 1897 census, there were 11,013 Jews in Kharkov out of a total population of approximately 175,000⁸. The city had become one of the centres of the Zionist movement (BILU was founded there). Close family ties linked Mikhail Yur'yevich to the leaders of this community. Berkhin's uncle, and future father-in-law, Kel'man Gottman, was a Jewish wood merchant and great entrepreneur and had a part in the development of the city since the 1880s.

⁶ Ibidem.

⁷ С. Куделко, *Исторический очерк. От казачьего поселения – до крупного промышленного, культурного и научного центра*, <https://www.city.kharkov.ua/ru/o-xarkove/istoriya/istoricheskij-ocherk.html> [11.11.2021].

⁸ Ch. Freeze, *Kharkiv*, <https://yivoencyclopedia.org/article.aspx/Kharkiv> [11.11.2021].

According to Berkhin, his first venture into the press occurred at the age of 15, when he translated a story by Sholem Ash, *Faynberg*, for the "Khar'kovskij listok". The translation was made from Yiddish, but the story's publication was accompanied by a note stating that the original language was Dutch. According to Berkhin, he turned to the editor in complete bewilderment for an explanation:

С голландского?! Что это — опечатка или издательство? Решил немедленно зайти в редакцию и потребовать объяснений. [...]

Я сидел в кабинете редактора и, спотыкаясь и запинаясь, объяснял ему цель своего визита. Оказывается, не редактор, а цензор виноват в том, что Шолом Аш превратился в моем переводе из еврейского в голландского писателя. Харьковскому цензору никогда не пришлось иметь дело с переводами произведений еврейских писателей. В содержании рассказа ничего предосудительного не было, так что запрещать его не было оснований. Но времена были строгие. И он вышел из затруднения, заменив слова «с еврейского» словами «с голландского».

...Так отравил мне русский цензор радость первого литературного дебюта⁹.

After the death of Uri Berovich Berkhin, his large family was left without a livelihood. The local Jewish community, which have venerated the late rabbi, collected 10,000 rubles to provide for his family¹⁰.

In 1905, Berkhin graduated from the second Kharkov gymnasium and enrolled in the Faculty of Law of the Imperial Kharkov University¹¹. He received a deferment of the draft for military service until 1912¹².

Always neatly and tastefully dressed, smart and distinguished by good manners, an even and calm character, Berkhin, both in his youth and in his mature years, gave the impression of an aristocrat. It is not by chance that the famous émigré satirist Don Amignano (A.P. Shpolyansky), in his epigrammatic poem, the characters

⁹ М. Бенедиктов, *Как я переводил Шолом Аша... с голландского*, "Рассвет" 1928, no. 14/15, 4 апреля, p. 13.

¹⁰ In the short obituary on the pages of "Yuzhnyy kray", *On the Death of Spiritual Rabbi Uri Berkhin*, it is stated "He was an outstanding Talmudist and connoisseur of Jewish literature. For twenty years he was a spiritual rabbi in the city of Velizh, Vitebsk province. Twelve years ago, the Kharkiv community elected U. Berkhin as its spiritual leader". Signed: -iy. "Yuzhnyy kray", 26 February, 1911. Unless otherwise stated, translations are mine. The newspaper "Yuzhnyy Kray" was published in Russian in Kharkiv from December 1, 1880 to December 3, 1919. It was one of the largest provincial newspapers in Russia. In the late 1890s, its circulation was from 2 to 5 thousand copies, after the revolution of 1905–1907 — from 12 to 40 thousand per day. Heartfelt thanks to Mrs. Polyakova for providing with this and further information on the early period of Berkhin's life.

¹¹ *Список студентов Императорского Харьковского университета на 1907–1908 академический год*, Университетская типография, Харьков, 1908, p. 27.

¹² *Ibidem*.

of which are prominent political and cultural figures of the Russian diaspora, calls him “And Benediktov the noble”¹³. I. Remba, mentioned above, who met Mikhail Yuryevich in Paris when he was already about forty years old, described his external appearance as follows:

Mikhail Berkhin never raised his voice. He always expressed his opinion in an undertone, logically and to the point. His mind was very well organized: he distinguished between important things and priorities, and in his way of expression, in all behaviour and gestures, his inner nobility was constantly visible. When he participated in the general debate, the impression was that he was debating with himself. He was never in a hurry to make a final judgment or to draw hasty conclusions without weighing and clarifying for himself all the arguments. His judgments were weighty, there was no unnecessary fuss in them, and the most essential point was never missed. [...] Elegant, without a single flaw in clothes, open and friendly, an aristocrat in everything, he radiated wisdom and nobility and was satisfied with his lot¹⁴.

Rabbi Uri Berovich Berkhin (undated), photo. Courtesy of Uri Berkhin (Anna Balestrieri, 2022).

¹³ Дон-Аминадо, *Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политический памфлет. Проза. Воспоминания*, Сост., вступ. статья, коммент. В.И. Коровина. ТЕРРА, Москва 1994, р. 699.

¹⁴ I. Remba, *Kefi she-hikartim: Bnei dorו shel Jabotinsky...*, p. 148–49, 152. Cf. with a similar judgment of a modern researcher: «Человек большого личного обаяния, благородный и открытый, Берхин имел широкий круг знакомых-интеллектуалов. Близкие, переходившие иногда в дружественные, отношения поддерживали с ним Б. Шоу и М. Шагал, П. Миллюков и В. Жаботинский, М. Мане-Кац и другие видные деятели культуры». М. Бирман, *В одной редакции (О тех, кто создавал газету 'Последние новости')*, in: М. Пархомовский (ed.), *Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе*, т. III: 1939–1960 гг., Иерусалим 1994, р. 152.

Even when he was still a student, Berkhin's reviews of theatrical performances began to appear in the Kharkov press. This was re-told in his letter to the writer I.A. Novikov dated February 1, 1910, published below:

I am now busy with the university. In April–May I finish — I have no choice but to do more. I do write a little though. Recently, I “turned myself” into a theatrical reviewer of a theatrical newspaper published in Kharkov¹⁵.

The newspaper he is talking about is “Poslednye novosti sezona” (“The latest news of the season”), redactor-publisher M.N. Shor (Kharkov, 1907–1917)¹⁶. Berkhin published in it quite frequently. The following is a list of reviews that appeared there in 1909:

Б[ерхин], “Драматический театр ‘Анфуса’”, № 108, 8–15 ноября, с. 2–3.

Б[ерхин], “Голубой глаз”, *ibid.*, с. 3.

Б[ерхин], “Малый театр. Гастроли Комиссаржевской”, № 109, 15–21 ноября, сс. 2–3.

Б[ерхин], “Голубой глаз. Вечер осени”, *ibid.*, с. 4.

Б[ерхин], “Городской театр. ‘Светлая личность’”, № 110, 21–28 ноября, сс. 2–3.

Б[ерхин], “Бронислав Губерман” (*ibid.*, с. 3).

М. Б[ерхин], “Б. Башкин” (*ibid.*, с. 5).

М. Б[ерхин], “Голубой глаз. Господа от Максима”, № 112, 6–13 декабря, сс. 7–8.

So, for example, in a review of the performance based on Blok's *The Unknown Lady (Neznakomka)*, staged in 1909 by the local theatre The Blue Eye (Goluboy glaz), it was said:

Группы в кабачке (1 картина) были тяжеловаты и, главное, реалистичны. Был подлинный кабачок, подлинные пьяницы — но не было мистических блоковских душ [...] Г-жа Тамарина, изображавшая Незнакомку, дала несколько хороших моментов. Она моментами трогала меня, дала мне узреть небесный облик Незнакомки, таинственную поступь прекрасной дамы. [...] О третьей картине могу повторить то, что уже сказал о первой: тяжеловато, реалистично. Не было мистической дрожи в душе ни тогда, когда появилась Незнакомка, ни тогда, когда исчезла. Кстати, очень хорошая декорация 2-й картины Е.А. Агафонова¹⁷.

Berkhin continued to publish in subsequent times in the same “Poslednye novosti sezona”, after completing his university educa-

¹⁵ РГАЛИ, ф. 343, оп. 4, хр. 538, лл. 1–6 об.

¹⁶ М.Н. Шор (ed.), *Последние новости сезона: Газ. театра, музыки, спорта, худож. лит. и злобы дня в искусстве*, Харьков 1907, апр. Д V 12/47.

¹⁷ М. Б[ерхин], *Голубой глаз*, “Последние новости сезона” 1909, no. 111, 29 ноября–6 декабря. Quoted after: С.Б. Шоломова, *К истории первой постановки драмы ‘Роза и крест’*, in: И.С. Зильберштейн, Л.М. Розенблюм (eds.), *Литературное наследство, Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования*, Наука, Москва 1993, p. 54.

tion in 1910 and taking a position as an assistant attorney. In this publication appeared his report *Smert' talanta (The Death of Tal-ent)*, that was declaimed at the funeral meeting arranged by the Blue Eye theatre after the death of V.F. Komissarzhevskaya¹⁸, who died on February 10 (23), 1910 (An excerpt from this newspaper, unfortunately undated, has been preserved in Berkhin's archive)¹⁹.

В далеком Ташкенте неожиданно умерла Вера Федоровна Коммиссаржевская. Умерла, окруженная чужими холодными людьми, согретыми, быть может, только близостью великой покойницы.

Поражающей по своей бессмысленности кажется нам эта смерть. От оспы ли, от заражения ли крови умерла великая актриса — нам, конечно, все равно. Мы только лишний раз бросим необдуманный упрек судьбе за удар, нанесенный нам. Мы каждый день, каждую минуту называем смерть бессмысленной. Умирает дорогое нам, любимое нами существо — мы обрушиваемся своими нападками на несправедливую судьбу. Зачем эта смерть?

Смерть — величайшая тайна. Мы со своими ограниченными знаниями и постижениями перед лицом ее ничего не понимающие дети. Как и сотни, как и тысячи лет назад, мы стоим у дверей Королевы-Смерти с поникшей головой, не сумев проникнуть в ее вековую тайну. [...]

Душа великой артистки — это была небесная душа, которая смотрела на нас из глаз ее и которая звучала в ее голосе. Коммиссаржевская вся казалась воплощенной душой. Обращали ли вы когда-нибудь внимание на ее фигуру, ее тело, ее формы? Конечно, нет. Потому нет, что у нее их не было. Как героиня метерлинковских трагедий, была бестелесна В. Ф. Коммиссаржевская. У нее были только глаза и голос. Глаза, которые забрасывали нас небесными лучами. И голос, который пронизывал нас, который выворачивал душу. Мне запомнился, и в ушах моих звучит теперь только один звук ее голоса. В нем — и утомленность, и бесконечная грусть, и безнадежность, и зов к чему-то неведомому. [К] Богу. Я чувствую себя бессильным передать хотя бы отдаленно содержание ее голоса, который как-то странно всегда обрывался ею. Тот, кто имел счастье видеть и слышать великую покойницу, тот поймет меня. [...]

Характернейшей, на мой взгляд, чертой гения Коммиссаржевской было необычайное его многообразие, многострунность. Коммиссаржевская на сцене — это был волшебный инструмент, обладавший безграничной восприимчивостью и чуткостью. Малейшие нюансы творчества художника звучали на этом волшебном инструменте. Для Коммиссаржевской не было неподходящих ролей, неподходящих пьес. Она одинаково ярко воспроизводила Островского и Метерлинка, Гамсуна и какого-то Вальдони. Ее душа была так богата переживаниями, что она находила в ней отклики на каждый образ, который она воплощала. У Коммиссаржевской не было определенного амплуа. Она была «героиней» в том раз-ве смысле, что брала только те роли, в которых есть многосложные переживания. Коммиссаржевская давала гораздо больше, чем автор пьесы, в которой она играла. Ни один художник, ни один поэт не может передать на полотне или в словах свою настоящую, нагую мысль — такой, какой ее родило его творческое воображение. Всякая оболочка опошляет мысль,

¹⁸ Berkhin uses the spelling form of the actress's surname with a double 'm': Kommissarzhevskaya.

¹⁹ JI—MBA. 10—435—55490.

переживание творца. Это тоже прекрасное человеческое тело под складками современного костюма...

Коммиссаржевская своей игрой обнажала мысль художника. Художник, творец образа, идет от нагой мысли к мысли наряженной. А Коммиссаржевская в своем творчестве идет обратно. Присутствуя на игре Коммиссаржевской, мы наблюдали процесс постепенного освобождения художественного образа от оболочки слов. На наши глаза мысль поэта оголялась, обнажалась... И скоро мы видели ее такой, какой она рождена была творцом в мгновение творческого вдохновения. Еще одно замечание — и весьма существенное. Коммиссаржевская никогда не исполняла роли, а всегда творила роль. Тут же, на сцене, на наших глазах. Если бы покойная актриса стала разучивать бесконечные нюансы, которые она вносила в свое исполнение, ей нужны были бы годы для каждой роли... Конечно, Коммиссаржевская не могла не готовиться к своей роли, не могла не репетировать. Но все эти приготовления и репетиции в творчестве ее играли какую же роль, как в творчестве Бетховена или Рафаэля... Не под режиссерским окриком творила Коммиссаржевская, а пред аудиторией, на сцене.

According to the memoirs of J. Gottman mentioned above, Berkhin, full of Zionist ideas and sentiments, succeeded in 1909, while still in his student years, in convincing the editor of one of the Kharkov newspapers (he does not give its name) to accredit him as a correspondent in Palestine. Having secured such consent and full of plans and hopes, he set off on a long journey to the land of his ancestors. However, in Constantinople, he received a message that the former editor had died suddenly. His replacement asked Berkhin, who had been sent to the Holy Land, not to leave Turkey but to review Middle Eastern events from there. The revolution that took place on the eve of his arrival in Turkey, which overthrew the power of Sultan Abdul Hamid II, made the editorial demand seem sufficiently reasonable and logical: Berkhin had no choice but to obey.

There, in Constantinople, according to the testimony of I. Remba, the first meeting between Berkhin and V. Jabotinsky took place²⁰. The latter ended up in Turkey, both on official journalistic business²¹, and on the other hand, as Remba writes, "with the mission of leading a Zionist 'press-empire' in several languages". The result of his stay in Constantinople was a series of articles in the Jewish Petersburg journal *Ras-1*, published under the general title

²⁰ I. Remba, *Kefi she-hikartim: Bnei doru shel Jabotinsky...*, p.143–44. The second time, writes the same author, Berkhin and Jabotinsky met a few years later, in 1915, in London, and the meeting place was the house of the prominent Jewish philosopher Ahad ha-Am, who at that time served as the manager of the London branch of the tea trading firm Wissotzky Tea Company (*ibidem*, p. 144).

²¹ Ср. в его *Повесть моих дней*: «Тем временем разразилась революция в Турции, и одна петербургская газета предложила мне отправиться в Константинополь. Я поехал». Владимир (Зеев) Жаботинский, *Повесть моих дней*, Библиотека-Алия, [Иерусалим] 1988, p. 82.

New Turkey and Our Perspectives (Novaja Turcija i nashi perspektivy) from January 18 to March 22, 1909²².

Living in Kharkov, Berkhin was familiar with a number of notable local figures, for example, Fyodor Igorevich Ivanitsky (1861–1929), the well-known deputy of the First State Duma. When he passed away (he died in Yugoslavia, having emigrated there), Berkhin wrote:

Надобно было близко знать Ф.И. Иваницкого, чтобы разглядеть и оценить его редкие душевные качества. Его несколько хмурая внешность была обманчива. И те, которым приходилось встречаться с Ф[едором] И[горевичем] в сутолоке больших политических съездов и партийных конференций, едва ли могли оценить исключительное обаяние этого человека. В «большой» политике покойный чувствовал себя случайным гостем. Чуждый тщеславия и личных амбиций, он никогда не «вылезал», не старался обращать на себя внимание. Неохотно и редко выступал с публичными речами. Но в Харьковской губернии, где протекла его многолетняя и плодотворная общественная работа, было мало таких популярных и любимых имен, как имя Ф.И. Иваницкого. Его знали и любили все. Безупречная моральная честность, отзывчивость к человеческому горю, постоянная готовность помочь каждому — все это обезоруживало и покоряло и политических противников покойного²³.

As a student Berkhin was active in the spiritual and cultural life of his city, made acquaintances in the world of the local press. He was an honorary citizen of the theatre backstage and at the same time tried to render a service to writers known to him who came to Kharkov to give lectures. These activities are evidenced in four of his letters to the writer Ivan Alekseyevich Novikov (1877–1959), which are preserved in the latter's archive. In addition, as it is clear from the same letters, he helped Novikov, who had already acquired some literary fame by that time, to sell his books. Where, how and when Berkhin met Novikov, history does not record: most likely, the acquaintance took place in Kharkov itself, where Ivan Alekseyevich had already been living for some time.

The letters published below record a relatively minor episode from the lives of both correspondents, that did not have any noticeable effect on their lives. From the point of view of the reconstruction of Berkhin's biography the letter has rather interesting content. Since they are all connected by a single plot — the organisation of Novikov's lecture at the Goluboy glaz theatre in Kharkov (or, put this way, Berkhin's desire to do everything to make it happen). They were written in relative temporal proximity to each

²² See: № 3, 18 января, стлб. 4–7; № 4, 25 января, стлб. 1–5; № 5, 1 февраля, стлб. 1–5; № 7, 15 февраля, стлб. 1–5; № 8, 22 февраля, стлб. 8–14; № 10, 8 марта, стлб. 3–7; № 12, 22 марта, стлб. 4–10.

²³ М. Бенедиктов, *Памяти Ф.И. Иваницкого*, "ПН" 1929, no. 2955, 25 апреля, p. 2.

other (February–November 1910), it makes sense to present them here in full. The last of the published letters contain particularly interesting information that Berkhin was the initiator and head of the enterprise for the publication of the almanac “Kristall” (Kharkov, 1908). It included poems by K. Bal’mont, A. Belyj, S. Gorodetskiy, S. Krechetov, A. Bryusov (brother of the famous poet), D. Mitrokhin, Muni (S. Kissin). The prose of Vl. Sharkov, N. Petrovskaya, N. Poyarkov, M. Milosky and P. Kozhevnikov was also included.

The publication was printed on thick paper with an elegant Chinese silk cover and a drawing by Dm. Mitrokhin on the front cover. Today it represents a true rarity, bearing, albeit in a somewhat unprofessional execution, all the features of the modernist book production of the Silver Age. However, the name and address of Berkhin as the distributor and, therefore, almost certainly the publisher of this almanac, are displayed in the almanac itself: “The editorial office and the warehouse of the publication: Khar’kov, Pushkinskaya, 7²⁴. St[udent?] Berkhin”²⁵.

According to V. Khazan’s opinion, expressed orally, apparently the poem “In a fiery azure robe, like a priest at the liturgy...” included in “Kristall” and signed with the name Mikhail the Dreamer (almost a pseudonym), belongs to Berkhin. In addition, the author of another text included in this almanack a cycle of lyrical miniatures, *The Songs of Silence (Pesni molchanija)* is, according to the very reliable assumption of R. Timenchik, the same Berkhin, hiding behind the pseudonym Mikhail Miloskiy. It gives grounds to see, in one of the future ardent and courageous Zionists from among the representatives of the radical right-wing camp, a child and a figure in the refined courtly world of Russian artistic decadence. It makes sense to quote the poem mentioned above in order to feel the reworking of modernist melodies that were extremely popular at the beginning of the century:

В ризе пламенно-лазурной, словно жрец на литургии,
Солнце в мир кадит огнями;
Степь одета в панцирь знойный... Дали в светлой летаргии
Грезят прошлого тенями,

Или видят, сквозь решетку нескончаемых столетий,

²⁴ Compare with the same address that he gives Novikov at the end of his last letter.

²⁵ According to the original plan, the first issue was to be followed by the second. This was reported in an advertising announcement placed in the almanac itself: “The second almanac Crystal is being prepared for publication. Young writers are invited to send their works.” However, the second collection was never released; perhaps the reason was precisely what Berkhin reported in a letter to Novikov: “Things are not brilliant with Crystal. Suvorin sold only 50 copies and other stores significantly less. I want to publish more, but I don’t know if it will be possible soon...”

Завтра сказочного зори, —
Так они спокойно-ясны, как молящиеся дети
В Божьем, радостном соборе!

Но отчаянием черным сердце выжжено, как ядом,
У меня в груди усталой...
За минутою покоя в степь пришел я, как за кладом,
Но змею схватил за жало!

В яркой полдня литургии я заплакал песней смелой...
В зори сказочного завтра сердце верить не умело²⁶.

It is impossible, when getting acquainted with the early stages of Berkhin's biography, not to note a rather curious combination in one personality of two utmost extreme principles. One is an aesthetic consciousness — carried away by wandering in the world of mystical abstractions- and what already constituted its other pole in those years. Over time that will turn into a central life credo, serving a definite idea of the struggle for a national Jewish revival. Moreover, the Zionist Jew and the Russian cultural and public figure united in Berkhin in an absolutely non-contradictory and organic form. It was as if he recreated this "synthetic" model of Jewish and Russian when in the obituary of the famous theatre figure A. R. Kugel' (*Homo Novus*) Berkhin wrote the following:

Номо Новус все дарование свое, весь темперамент отдал служению русской мысли, русской общественности, русскому искусству. Тем не менее, нечасто встречается столь ярко выраженный тип еврея, как А.Р. Кугель. И имя, и внешность, и темперамент, и весь характер его литературного дарования — насквозь национальны. Вообще не редкость — типичный еврей на службе чужой культуры. В России — тем более. Достаточно вспомнить имена Гершензона, Левитана, Антокольского²⁷.

Berkhin himself, as a novice writer and later as a Russian journalist, seemed to continue the indicated line. Nevertheless, let us return to his letters to I.A. Novikov. Letters are printed according to order stored in the RGALI archive (РГАЛИ, ф. 343, оп. 4, ед. хр. 538, лл. 1–6 об.).

1 [1]

1 февраля, [1]910
Скрипницкая, 10

²⁶ Альманах «Кристалл», Харьков 1908, р. 56.

²⁷ М. Бенедиктов, *Homo Novus*, "Рассвет" 1928, по. 44, 28 октября, р. 7.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Был вчера у Мельникова и расспросил о Вашем рассказе. Он, во-первых, извиняется за то, что не ответил на Ваш запрос. Объясняет он это тем, что ответом несколько запоздал и не знал потом Вашего адреса, так как Вы писали ему только свой временный адрес. Не поместил он до сих пор рассказа Вашего потому, что он слишком велик. Отложил его на лето: тогда больше места в газете. Впрочем, он взял у меня адрес Ваш и обещал сам написать подробнее [2].

Относительно лекции.

У нас с недавнего времени существует молодой театр *Голубой Глаз* (может быть, Вы слышали?). Это — «синтез» кабаре и литературного клуба [3]. Театр этот ставит и Метерлинка, и Блока и пародии в духе *Кривого зеркала*, устраивает лекции, литературные вечера и проч. В общем, театр этот — в высшей степени симпатичное учреждение. Литературному человеку есть куда пойти. Когда я получил Ваше письмо, я немедленно отправился в *Голуб[ой] Гл[аз]* и переговорил о Вашей лекции. Они очень охотно принимают предложение. Но условия их вот каковы: лектор получает половину чистого дохода с лекций. Сбор равен приблизительно 500 руб. Расходов около 70–80 руб. Сосчитайте, сколько может получиться на долю лектора: 500–70/80: 2. Конечно, нельзя ручаться за полный сбор. Но во всяком случае интерес к лекциям за последнее время несомненно поднялся. У Вас легкая рука...

В этом же *Голуб[ом] Гл[азу]* в январе состоялись две лекции К.И. Араболенко об Андрееве и оба раза прошли они при совершенно полном зале. Читал у нас недавно Петр Пильский [4] и тоже собрал полный зал в общественной библиотеке.

Было еще несколько лекций — сейчас не припомню, какие. Одна только лекция сделала плохой сбор. Читал некий Я.В. Перович о Сологубе. Но лектор этот положительно никому в Харькове незнаком. И все-таки кое-что осталось сверх расходов.

Подумайте, Иван Алексеевич, об этом. Кстати, скоро в *Голуб[ом] Гл[азу]* ожидается ряд лекций петербургских литераторов: Куприна, Городецкого и пр. Как видите, лекции у нас сейчас в моде. А мода — ведь это главное — не правда ли? Вот и все, кажется.

О себе.

Я теперь занят университетом. В апреле-мае кончаю — приходится заниматься побольше. Все же немного пишу. С недав-

них пор «заделался» театральным рецензентом театральной газеты, издающейся в Харькове [5]. Никаких «понедельников», ни других изданий не предпринимаю. Нет ни желания, ни денег — да и не время.

Очень хотелось бы мне почитать Ваши новые стихи. В Харькове нет, конечно, Вашей книги. Вы сделали бы доброе дело, если бы прислали мне книгу. Постарайтесь — пришлите. Буду очень благодарен [6].

Об устройстве лекции непременно напишите — и чем раньше, тем лучше. Если Вы решите приехать, пришлите прошение с конспектом лекции — и мы все это устроим без Вас.

Вас уважающий
Мих. Берхин

1. В левом верхнем углу письма печатный штамп:

Михаил
Юрьевич
Берхин

2. Речь идет об известном харьковском журналисте Федоре Антоновиче Мельникове, секретаре редакции одной из самых крупных харьковских ежедневных газет *Южный край* (выходила с 1880 до 1917 г.; с 1 декабря 1911 г. имела утренний и вечерний выпуски).

3. Театр *Голубой глаз*, «синтез кабаре и литературного клуба», возник 7 ноября 1909 г. из литературно-драматического кружка, организатором которого был Е.И. Чигринский, сочетавший в себе режиссерский и актерский талант. Театр просуществовал недолгое время — до 20 февраля 1911 г., однако завоевал широкую популярность и оставил о себе долгую память. Более подробно о нем см. М.Э. Рабинович, «Харьковский *Голубой глаз*: забытые страницы истории культуры», *Русская филология: Украинский вестник: республиканский научно-методический журнал*, 1997, № 3/4, сс. 56–7; Ю.Ю. Полякова, «Театр миниатюр *Голубой глаз*», *Культурна спадщина Слобожанщини. Культура і мистецтво*. Харьков: Курсор, 2003, сс. 12–23 и др.

4. Петр Моисеевич Пильский (1879–1941), известный российский журналист, литературный и художественный критик как в дореволюционной России, так и в годы первой волны русской эмиграции.

5. Речь идет об упоминавшейся выше газете *Последние новости сезона*.

6. Имеется в виду 2-я книга стихов Новикова *Дыхание земли* (Киев, 1910).

2 [1]

7 февраля [1910] [2]

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Ваше прошение уже пошло к губернатору. Разрешение, конечно, будет получено: в последнее время наша администрация относится сочувственно к устройству лекций. Лекция назначена на 16 февраля. Ведь Вы просили поскорей. 16-е — ближайший свободный вечер. Я, конечно, извещу Вас о получении разрешения. Надеюсь, с Вашей стороны не будет препятствий к приезду в Харьков в назначенный день. Если все-таки какие-нибудь препятствия встретятся — если Вы сами не сумеете приехать — Вы пожалуйста известите телеграфно. Если здесь будут какие-нибудь изменения по отношению, например, ко дню лекций и пр. — я Вас немедленно извещу.

Голубой Глаз сделает все возможное для того, чтобы публика узнала о лекции и заинтересовалась ею. Поскольку это удастся — предусмотреть, разумеется, трудно. Во всяком случае, *Голуб[ой] Гл[аз]* всегда очень энергичен и, благодаря этому, весьма популярен в городе. Устраиваемые им спектакли в последнее время проходят при систематических полных сборах.

Вы, конечно, ответите возможно скорее.

Ваш

Мих. Берхин

1. В левом верхнем углу письма печатный штамп:

Михаил

Юрьевич

Берхин

2. Год определяется по содержанию письма.

3

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Из моей телеграммы Вы уже знаете, что разрешение на лекцию пока еще не получено. В губернаторской канцелярии сказали, что послали за справками (о Вашей благонадежности, очевидно) в Тулу. А это, кажется, затяжное дело. Во всяком случае, теперь еще положительно нельзя определить, когда можно будет устроить лекцию. Со стороны Голуб[ого] Гл[аза] никаких задержек не будет. Как только разрешение будет получено — сейчас же можно будет устроить.

Вам, очевидно, придется ждать...

Кстати, буду очень и очень рад, если Вы заедете ко мне. Вам хотя придется быть со мной в одной комнате. Но это, я думаю, не особенно стеснит Вас. Тем более, что комната у меня просторная — и мы в ней прекрасно устроимся вдвоем. Как бы только все это поскорее устроилось.

Ах, эти «независящие обстоятельства».

Ваш

Мих. Берхин

15 февраля [1910]

1. В левом верхнем углу письма печатный штамп:

Михаил

Юрьевич

Берхин

2. Год определяется по содержанию письма

4

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич!

Я получил Ваше письмо, правда, уже несколько дней тому назад, но отвечаю только сегодня, ибо собирал сведения о нашем новом Губернаторе. К сожалению, сведения, собранные мною, не особенно благоприятны. Говорят, что он вряд ли будет мягче Пешкова... [1] Все же, думается мне, не помешало бы попытаться. Конечно, ездить Вам для этого, может быть, не стоит. Возможно, что это можно будет устроить, т.е. выяснить и без Вашего приезда. Для этого придется подать прошение Губернатору и представить, если не всю лекцию, то, по крайней мере, обстоятельный конспект. Я говорил по этому поводу

с А.Н. Моисеенко, редактором *Утра* [2] и с Ф.А. Мельниковым, секретарем *Юж[ного] Кра[я]* [3], и они также советовали мне так поступить. Вот я и предлагаю Вам выслать прошение и конспект лекций — а я подам все это новому Губернатору. Между прочим, Ф.А. Мельников думает, что теперь несколько неподходящее время для лекций. Но это его личное мнение, которое можно и не разделять. Я думаю, что Вы сами знаете это не хуже кого-либо другого, если не лучше. Ведь Вам не впервые читать лекцию. Правда, Вам приходилось читать в других городах, но чем разнится Харьков от Киева, например, или Одессы?

Теперь о книгах. Сегодня я получил у Суворина [4] 7 р. 50 коп. за 5 экз[земпляров] романа *Золот[ые] кр[есты]* [5] и за 3 экз[емпляра] стих[ов] *Дух[у] Св[ятому]* [6].

Сегодня уже поздно — вышлю завтра. Навел я справки и в других магазинах. В одном ничего не продано, а во втором, хотя и продано неск<олько> экземпляров, но владельца магазина в городе нет, а без него не производят комиссионных расчетов.

С *Кристаллом* дела не блестящи. Суворин продал всего 50 экземпляров, а другие магазины значительно меньше [7]. Хочется издавать еще, но не знаю, можно ли будет скоро...

Дайте совет.

Да, у нас случайно оказались общие знакомые. Помните, Вы познакомились в Одессе с семьей полтавского доктора Лермана, у которого есть очаровательная девочка, Ликуся?

Семья эта была недавно в Харькове и просила меня передать Вам их искреннейший привет, если мне представится случай. Пользуюсь случаем и исполняю их просьбу.

В Харькове ничего нового в литературном мире нет. Никаких новых изданий, никаких [1 нрзб.], никаких лекций — ничего нет. Скучно...

Что думаете Вы предпринять? Ведь, помните, Вы думали затеять в Москве журнал? Оставили эту мысль? [7]

Буду Вам искренно благодарен, если напишете обо всем этом. Кстати, если я могу Вам быть полезен в чем-либо по отношению к вашим новым изданиям — не стесняйтесь, пишите, сделаю с удовольствием все, что сумею.

Весь к Вашим услугам

Мих. Берхин

Харьков, 4 ноября [1910] [8].

Адрес тот же: Пушкинск[ая] ул., № 7 [9]

Забыл: имя Мельникова — Федор Антонович.

1. Николай Николаевич Пешков (1857–после 1917), генерал-лейтенант, офицер Генерального штаба Русской армии; с 3 января 1906 до 11 октября 1908 г. являлся генерал-губернатором Харькова и Харьковской губернии. Его сменил Митрофан Кариллович Катеринич (1861–1918).

2. Газета *Утро* издавалась в Харькове с 21 января 1906 до 14 февраля 1916 г.

3. См. прим. 2 к п. 1.

4. Речь идет о журналисте, драматурге, театральном критике, владельце нескольких театров и крупном издателе Алексее Сергеевиче Суворине (1834–1912), владельце обширной сети книжных магазинов в России.

5. Имеется в виду мистический роман Новикова *Золотые кресты* (1908).

6. Речь идет о 1-й книге стихов Новикова *Духу Святому* (1908).

7. О попытках Новикова, связанных с изданием журнала, ничего не известно.

8. Год определяется по содержанию письма.

9. По всей видимости, это был адрес помещения, арендованного Берхиным для издательских целей. В книге *Весь Харьков на 1914 год* (Харьков, 1913) указан другой его адрес: «Берхин Хаим Юрьевич, пом[ощник] прис[яжного] пов[еренного], Сумская 5 (временно проживает в Москве)».

In 1911, Berkhin was drafted into the army and spent two years in barracks near Minsk. This period of his biography is poorly documented and has left almost no evidence. In the above-mentioned memoirs of Gottman, this period is described as the time of the growing consciousness in Berkhin that the Jews should serve in their army.

At the end of his military service, Berkhin moved to Moscow and tried to make creative contacts with the most famous satirical theatres in Russia — the Crooked mirror (*Krivoye zerkalo*) and the Bat (*Letuchaja mysh'*). Unfortunately, it has not been possible to find texts that testify to his attempts to move from the work of a newspaperman, an expert in theatre and cabaret reviews, to the actual dramatic creation. Berkhin himself did recall that by 1913, two of his “small plays saw [...] the light of stage (one in Baliyev’s *Letuchaja mysh'*, the other in the *Goluboy glaz* in Khar'kov)”²⁸. Be that as it may, throughout his life, he will show interest in literature, music, painting, and theatre. All this will become an integral part of his later journalistic career and creative biography.

²⁸ Ibidem.

In August 1914, having avoided re-mobilisation into the Russian army in connection with the outbreak of the First World War, Berkhin went to Scandinavia. He lived in Norway and Sweden, and from there, in 1916, he moved to England, where, by the way, he met B. Shaw²⁹. (The fact that there, in London, in the house of Ahad ha-Am, Berkhin met Jabotinsky for the second time was mentioned above.)

Of all the Scandinavian countries, Berkhin liked Norway the most. He wrote about it (more precisely, on the topic of it) many years later when he made the following semi-memoir, semi-meditative entry:

Норвегия... Норвегия... Страна, населенная героями Ибсена и Гамсуна. Так и ходят Ингеборги и Йордисы, Гланы и Нагели... Конечно, не всякая русская девушка — толстовская Наташа, не всякий интеллигент — Базаров или Санин. Но поищите, поскребите — найдете, хоть чуточку, а найдете, в каждой девушке немножко от Наташи, в каждом интеллигенте — немножко от Базарова. Толстой и Тургенев — наши, русские. Эссенция наша, дух наш, наши сверхчеловеки. А Ибсен? А Гамсун? Что касается Гамсуна, то уже известно у нас, что он — больше русская величина, чем северная. Вот вам: ни в одном книжном магазине в Швеции я не нашел Гамсуна, ни одной книжки... Я помню улыбку шведского литератора, когда я спросил его о Гамсуне, о том, ставятся ли теперь его пьесы в стокольмских театрах. Улыбка выражала приблизительно следующее: «Ах, опять Гамсун... Так и знай: раз русский, то первый вопрос о Гамсуне... Но ведь мы, знаете, не так любим его...» И это правда: каждый русский приезжает на север с Гамсуном на устах. Так и думается, что первый швед, которого мы встретим — скажем, носильщик или шофер — улыбнется нам, будет считать нас своим, если мы бормочем что-нибудь про Гамсуна... Боже мой, какое заблуждение... И когда я был в Швеции, я думал так: между Швецией и Норвегией существует явное соперничество. Норвегия захотела иметь своего короля, хотела быть сама собой, жить своим умом. Швеция имеет на нее «зуб» и, естественно, замалчивает, старается не признавать ее героев. Пусть это глупо — думал я — но это так. И этим объяснял я абсолютную неизвестность Гамсуна и малую — Ибсена. Но вот я в самой Норвегии, в сердце ее, в Христиании... Почти то же. Здесь уже можно достать гамсуновского *Пана* в книжном магазине — но этим, пожалуй, и ограничивается отношение родины к ее великому сыну. Нигде, пожалуй, до такой степени ярко и воплощенно не оправдываются вечные слова: «Нет пророка в своем отечестве».

²⁹ В своих будущих откликах на новинки литературы, печатавшихся в "ПН", Берхин не раз обращался к книгам или примечательным публикациям, героем которых был прославленный английский драматург, см. М. Бенедиктов, *Толстой и Бернард Шоу* (1928, no. 2727, 9 сентября, p. 3) — об опубликованном только через четверть века после написания письме Л. Толстого к Шоу в ответ на полученную от него пьесу *Человек и сверхчеловек*; М. Б[енедиктов], *Гордон Крэг об Эллен Терри: (Ответ Бернарду Шоу)* (1931, no. 3872, 29 октября, p. 3) — о книге английского режиссера Г. Крэга о своей матери, актрисе Э. Терри, — эта книга явилась как бы ответом на переписку между ней и Шоу; М.Б., *Бернард Шоу в тифлях* (1932, no. 4026, 31 марта, p. 3) — рецензия на кн.: Frank Harris, *Bernard Shaw*, London 1932.

Начинаешь думать о том, на самом ли деле поэт, как и всякая личность, есть отзвук и отображение его страны, эпохи... Подлинно ли герои искусства — тоже герои действительной жизни, дополненные, обогащенные, оцельненные творческим духом мыслителя и поэта. И если мы по литературным памятникам судим об укладе жизни, о героях, о типе среднего человека — правильно ли мы поступаем[?] Ведь вот пишут наши юноши сочинения на темы: «Русское общество по Грибоедову, по Гоголю и пр.». Воображаю, через сто лет будут наши правнуки рисовать картину норвежского общества по Ибсену или по Гамсуну. Я положительно считаю долгом остеречь будущее поколение от такой ошибки. Они будут добросовестно заблуждаться... И норвежское общество будет рисоваться им в образах женщины-вдохновительницы или дьявола Ибсена или странников-мечтателей, гамсуновских Гланов и Нагелей...³⁰ Боже мой, до чего смешно было бы читать такое «сочинение» восьмиклассника нынешнему норвежцу. Вот ведь не то, что через сто лет, а вот сейчас, сегодня мы в России изобрели особенную стихию — «северная любовь», имея в виду чистую, мечтательную, платоническую любовь, почти отделенную от вожделений... Положительно и обидно и страшно представить себе, что через сто лет нас будут изображать героями Арцыбашева, а норвежцев — Гамсуна... Сначала удивляешься и негодуешь: как, не любить, не понимать Гамсуна — как можно?! А потом это становится понятным. Мало ли, что Гамсун — норвежец. Он поэт чудачков и психопатов Норвегии, певец патологической Норвегии, если то, что есть — нормально... Всякий норвежец скажет вам, что если ему понравится (именно: понравится, не полюбит...) девушка, он ее завтра обнимет, послезавтра поцелует, а еще через день овладеет ею. Как же иначе? [...] Трус и дурак — сказал бы норвежский юноша, если бы он читал *Пана* или *Викторию*. Трус и дурак — скажет норвежская девушка... Она никогда не полюбит мужчину, у которого не хватит храбрости при первом же знакомстве крепче сжать руку, на завтра поцеловать! В этом — мужчина! И так больно ходить по улицам и видеть светлые девичьи лица без такой любви, без загадки... Все разрешено и разгадано. В четырнадцать лет уже все так просто. Вместо любви — половая связь... И зовут их иначе: не Эллины, не Розы, не Эдварды, не Ингеборги, а Эстеры и Эстеры...³¹

Evidence of Berkhin's interest in Norway, in its literature in general and in K. Hamsun in particular, is that he turned to the work of the Norwegian writer, a Nobel laureate (1920) in later years. See, for example, a review of his novel *The Tramp (Landstrykere, 1927)*³².

Unfortunately, there is no clear and reliable information about exactly what kind of correspondent Berkhin was and for which newspapers he wrote in Scandinavia and England. So far, it has not been possible to find the fruits of his journalistic activity. In his archive, in fact, only one newspaper clipping relating to those times has been preserved *The First Air raids. London, 1915 (Pervy-*

³⁰ Имеются в виду герои романов Кнута Гамсуна Томас Глан (*Пан*, 1894) и Юхан Нильсен Нагель (*Мистери*, 1892).

³¹ JL—MBA. 2—9—43б-. 55479.

³² М. Юрьевич, *Новый роман Гамсуна*, "ПН" 1927, no. 2472, 29 декабря, p. 3.

je vozдушnye nalety. London, 1915), signed Benediktov and published as a memoir in PN in 1939³³.

While living in Christiania (the old name of Oslo), Berkhin met in 1915 with Hieromonk Iliodor (S.M. Trufanov). He was, of course, originally a member of the closest circle of G. Rasputin. However, having quarrelled with him, and indeed having experienced for himself the severe revenge of the “holy elder” and fearing police persecution, he was forced to flee Russia. On the way to the USA, he stopped in Norway, where he met with Berkhin, described by the latter in the memoir essay *Iliodor*, which was published in PN and, as usual, signed with the pseudonym M. Benediktov³⁴.

A peculiar echo of Berkhin’s stay in London during the First World War is, for example, the following passage from his article *In Ten Years (Cherez desyat’ let)*:

Я никогда не забуду этот день в Лондоне 5 или 6 июня 1916 года, когда получилось сообщение о гибели Хемпшира. За исключением нескольких посвященных, никто в Англии не знал, что Китченер выехал в Архангельск. Тем более ошеломляюще подействовало известие о его гибели³⁵.

By the way, Berkhin’s pseudonym “Benediktov” owes its origin to the transparent linguistic parallel of Hebrew and Latin: the root basis of the name Berkhin is formed by the letters כרב, which is the substratum of the Hebrew word ‘brakha’ — ‘blessing’, exactly what the word ‘benedictio’ expresses in Latin³⁶. An amusing story in this regard contains the memoirs of I. Remba, who reports that the lawyer O.O. Gruzenberg once expressed to Berkhin his extreme displeasure in the latter’s review of his memoir. According to him, there was in it a lack of the necessary emotional enthusiasm, especially noticeable against the background of the praise allegedly lavished by the reviewer on M. Tsvetayeva’s memoirs. At the same time, the famous lawyer reproached Berkhin for the allegedly unsuccessfully taken pseudonym: the Russian poet V. Ben-

³³ Found in Jabotinsky Institute’s folder of “Novaya Rossiya”, reference code P 43–10, 55490, it actually belongs to “Poslednye novosti” (M. Benediktov, “Первые воздушные налеты. 1915 Лондон”, no 6750, 20/9/1939).

³⁴ M. Benediktov, *Илиодор*, “ПН” 1923, no. 864, 13 февраля, p. 2.

³⁵ M. Benediktov, *Через десять лет*, “ПН” 1926, no. 1984, 28 августа, p. 2. Речь идет о гибели британского военного министра, графа Горацио Герберта Китченера (Horatio Herbert Kitchener, 1850–1916), который 5 июня 1916 г. отправился с секретным визитом в Россию на крейсере *Хэмпшир* и подорвался на mine, установленной немецкой подводной лодкой.

³⁶ See: В. Хазан, *О некоторых псевдонимах деятелей эмигрантской русско-еврейской печати (парижские еженедельники ‘Еврейская трибуна’ и ‘Рассвет’*, in: М. Шрубы, О. Коростелева (eds.), *Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования*, Новое литературное обозрение, Москва 2016, p. 68.

ediktov (Gruzenberg saw a direct reference to him), who was an inveterate anti-Semite³⁷.

It is very likely that Gruzenberg had in mind Berkhin-Benediktov's review of the 21st book of the journal "Sovremennye zapiski" for 1924, in which his memoir essay *Poruchik Pirogov* (*Lieutenant Pirogov*) was published, followed by Tsvetayeva's diary prose *Vol'nyy proyezd* (*Free passage*). The extremely brief review by Berkhin, in which Gruzenberg felt a certain lack of respect for his offspring, said the following:

С интересом читается *Поручик Пирогов* — глава мемуаров О.О. Грузенберга. Можно лишь пожалеть об излишней сентиментальности изложения.

This was followed by a slightly longer fragment relating to Tsvetayeva:

Очень яркок местами очерк М. Цветаевой — *Вольный проезд*. Писательница сумела уловить ритм советского быта. Не кистью, а половой щеткой пишет она своих героинь. Вместо жизни — кровавые лохмотья. Жаль, что автор в отдельных случаях «сочиняет». То, что от «тенденции» — а она есть у Марины Цветаевой — портит очерк³⁸.

Returning to the years spent by Berkhin in Scandinavia and England, it should be noted that it was at this time that he finally took shape as a certain type of professional journalist. His abiding interest in art — theatre, painting, literature — began to increasingly interact with the experience of a political publicist, mastering the art of analysing current international news. Therefore, it is not at all accidental, as it seems, that after he returned to Russia as a result of the February Revolution of 1917, the then Minister of Foreign Affairs of the Provisional Government P.N. Milyukov, who knew Berkhin well and appreciated his journalistic talent, offered him the post of diplomatic adviser at the Russian embassy in Norway. Berkhin hesitated to accept this proposal: having returned from abroad, he was looking for the application of his abilities at home. The time for the liberal conquests of revolutionary February was rapidly running out, while the Bolshevik coup put a decisive end to Berkhin's career as a diplomat, which had not begun yet.

However, Milyukov's connection with Berkhin would not end there. A few years later, already in his new capacity as editor-in-chief of the PN, he would offer Mikhail Yuryevich, who had

³⁷ I. Remba, *Kefi she-hikartim: Bnei dorו shel Jabotinsky...*, p. 148. In the reprimand made to Berkhin, Gruzenberg, by the way, did not spare Tsvetayeva, who also fell into the category of anti-Semites (ibidem).

³⁸ М. Бенедиктов, *Современные записки*, книга XXI, "ПН" 1924, no. 1367, 9 октября, p. 2.

emigrated from Russia and reached Paris, to take one of the key positions in the newspaper — the editor of the foreign department. He held that position for 19 years, from 1921 to 1940.

But this will happen later, and in 1918, already under the new government, together with the journalist Abraham Koral'nik,³⁹ Berkhin undertook to publish the weekly "Evropa"⁴⁰ ("Europe") in Petrograd (ed. S.L. Arlozorov⁴¹). However, it soon became clear that attempts to preserve their journalistic face, dignity and independence before the incipient Soviet regime was already doomed. From March to May 25 only four issues were released (the last issue was double — 4/5). Berkhin's articles were published in three of them:

Михаил Бенедиктов, "Брест и после Бреста" (№ 1, март, стлб. 17–19);

Мих. Берхин, "Внимай этим — трем!" (№ 3, апрель–май, стлб. 29–30) — об английском поэте, прозаике и художнике Томасе Стердже Муре (Thomas Sturge Moore; 1870–1944) и его книге *Внимай этим трем!* (*Hark to These Three: Talk about Style*) (1915);

Михаил Бенедиктов, "Тайная дипломатия и явная политика" (№ 4/5, 25 мая, стлб. 12–14).

Apparently, in the summer of 1918, Berkhin was forced to flee south to his native Kharkov. There, he started working for the "Novaya Rossiya" newspaper, which was published for a year, from December 10, 1918 to December 3, 1919. (Its editor-in-chief was V.Kh. Davatz, a Professor of Mathematics of Kharkov University, while its publisher and leading editor was Prof. A.V. Makletsov). It was then closed by the Bolsheviks when power in the city, which itself changed hands several times, was finally assigned to them⁴².

Berkhin was published in "Novaya Rossiya" under the now familiar pseudonym Benediktov. For the most part, these were articles

³⁹ Abraham Davidovich Koral'nik (1883–1937), Doctor of Philosophy (1908), journalist. Born in Uman, studied at Kiev and then at a number of European universities (Florence, Berlin, Bonn, Vienna). Published in the newspapers "Rec", "Birzhevye vedomosti", "Volya naroda", and in the "Russkaja mysl'" magazine. After emigrating from Russia to the USA, he was a regular contributor to Yiddish publications: "Der Tog" (later he was deputy editor), "Tsukunft", "Tealit", "Fraye Arbeter Shtime", he was published in "The New York Times Review". Died in New York; see his obituaries: "The New York Times", 1937, vol. 86, no. 29029, July 17: 15; Jewish Telegraphic Agency, 1937, vol. 11, no. 288, July 18: 3–4. "Novoe Russkoe Slovo", 1937, no. 8931, July 17; PN, 1937, No. 5961, July 21. Apparently, the acquaintance of Berkhin and Koral'nik took place in Copenhagen, where the latter lived for a short time in 1914.

⁴⁰ In which such well-known figures of science and culture as I. Baudouin de Courtune, N. Bryullova-Shkolskaya, Z. Vengerova, A. Koni, I. Kulisher, G. Landau, A. Levinson, S. Lozinsky and others took part.

⁴¹ However, we were unable to find information about the publisher of "Evropa". Judging by the name, it was one of Berkhin's relatives.

⁴² Prior to that, the newspaper had already been closed once (from January 3 to June 25, 1919), after Khar'kov was captured by the Red Army.

on a political topic, and they appeared, as a rule, on the first page of the newspaper in the form of editorials that related to the most current events. See for example:

- К предстоящей мирной конференции. I (1918, 14 декабря, с. 1);
- Союзники и Россия (1918, 19 декабря, с. 1);
- К предстоящей мирной конференции. II: О возмещении военных убытков (1918, 24 декабря, с. 1–2);
- К предстоящей мирной конференции. III: Миссия Вильсона (JI–МВА. 10–43-д. 55490);
- На распутье (1918, 25 декабря, с. 1);
- Выборы в Англии (1918, 28 декабря, с. 1);
- Лига народов (1919, 2 января, с. 1);
- Международное положение России (1919, 22 июня, с. 2)⁴³.

On May 17, 1920, Berkhin married his cousin Emiliya Klement'yevna Gottman (1891–1946), the daughter of K. Gottman and Sophia-Batsheva (née Arlozorov)⁴⁴. The couple did not have their own children but adopted and raised Emilia's nephew Yona (Jean) Gottman (1915–1994), whose parents, Eli and Sonya Gottman, had been barbarously killed by the Red Army in 1918.

The geography of Berkhin's path to emigration can be traced by the points of passage from where he sent his materials to PN, long before he reached Paris and the doors of the editorial office. According to our information, Berkhin's "first sign" in PN was the article *Our Moods* (*Nashi nastroyeniya*, 1920, no. 162, November 11), written by him in Sevastopol on October 18, where he ended up after the Bolsheviks occupied Ukraine. It dealt with a truce concluded between Poland and Soviet Russia, which unleashed the manpower of the latter for more active military operations in the East and South.

Together with parts of the evacuated White Army, Berkhin and his family left Sevastopol in November 1920 and arrived in Constantinople by sea, the usual way for an emigrant of those years. From there, he continued to write for PN. The publication of his article *The End of Georgia* (*Konec Gruzii*, 1921, no. 276, March 15: 2)⁴⁵ is accompanied by the subtitle "From Our Correspondent", which he thus becomes only on his way to Paris. Along with Berkhin, the material of other authors who fled from Russia and were

⁴³ Some articles, such as, *K prestojashej mirnoj konferencii III* (*Towards the upcoming peace conference III*) can be attributed to Berkhin with an almost certain degree of probability (as a continuation of his two above-mentioned articles); this article is preserved in his archival collection (JI–MB. 10–43-д. 55490).

⁴⁴ She was Berkhin's mother's sister.

⁴⁵ It describes the Soviet occupation of Georgia and the fall on February 25, 1921, of Tiflis, the "Georgian Verdun", as Berkhin calls it in his article.

in Constantinople (N. Grekov, L. Leonidov) was published at that time in PN. None of them, except for him, received the title of “our correspondent”.

According to J. Gottman,

This second sojourn in Constantinople was a hard one. M. B[erkhin]. had to provide for a family in circumstances quite unfavourable to the exercise of his profession; selling the family jewels did not help much as too many Russian aristocrats were doing the same on the local market. After several hard months, a call came from Paris. The editor of the *Poslednye Novosti*, at that time Petr Ryss, offered him a permanent job on the paper's staff. In August 1921, M. B. arrived in Paris with his family, and on the first day went right away to the newspaper's office and started writing under his pen-name of M. Benediktov⁴⁶.

Such a description of events in Berkhin's biography does not seem entirely accurate. Not to mention the fact that J. Gottman is mistaken when he defines the historian, publicist and public figure P. Ya. Ryss as the editor of PN (at that time, he was acting as the secretary of the newspaper). In our opinion, between Constantinople and Paris, there was an intermediate stop for the Berkhins in Rome.

The main evidence that allows us to trace the movements of Berkhin during the period of pre-Parisian emigration is his articles published in PN, indicating the place where they were written and from where they were sent. At the same time, they are signed, as a rule, with the initials M.B., clearly indicating Berkhin⁴⁷, who varied the abbreviated forms of his real name and pseudonym in different ways: M.Yu., M. B-ov, M. Yu. B., M. Yu. B-ov, B-n, B-in, M., and others. If we agree that the location of its author noted in the article itself (or an indication, “From our Constantinople correspondent”, “From our Roman correspondent”) has a presumption of a documentary fact, it turns out that in the middle of 1921 Berkhin left Constantinople for a while and went to Rome. It was there that his article *Russians in Italy (Letter from Rome) (Russkie v Italii (Pis'mo iz Rima))*⁴⁸ was written. However, his article *Grecheskoye Nastupleniye (The Greek Offensive)*⁴⁹, written about a month and a half later, is marked with the subtitle Letter from Constantinople. The Berkhins apparently left that city forever in the second half of 1921 and moved to Rome, where they lived until the spring of 1922. See Berkhin's articles sent to PN from Rome:

⁴⁶ Gottman–BN.

⁴⁷ М. Шруба, *Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945)*, Новое литературное обозрение, Москва 2018, p. 267.

⁴⁸ PN, 1921, no. 376, June 9: 2.

⁴⁹ PN, 1921, no. 392, July 20: 2.

“Социалистический съезд” (1921, № 458, 13 октября, с. 2), где сообщается о съезде итальянской социалистической партии;
 “Съезд народной партии” (1921, № 475, 3 ноября, с. 2; с указанием места: Рим);
 “Съезд фашистов” (1921, № 487, 17 ноября, с. 2; с указанием места: Рим);
 “Крах банка Дисконто” (1922, № 531, 7 января, с. 2.; с указанием места и времени написания: Рим, 2 января 1922 г.);
 “Джузеппе Мадзини: К пятидесятилетию со дня смерти” (1922, № 588, 16 марта, с. 2; с указанием места и времени написания: Рим, 10 марта 1922 г.);
 “Италия после Генуи (От нашего римского корреспондента)” (1922, № 662, 29 мая, с. 2)⁵⁰.

Thus, the Berkhins did not reach Paris until the summer of 1922. In the 1920s, in addition to PN, Mikhail Yuryevich's articles were published in the Parisian weekly “Yevreyskaya tribuna” (1920–1924) and the newspaper “Dni” (1922–1928; since 1928, a weekly; Berlin, but from September 16, 1925, Paris). Later, in the 1930s, he also published in other print media about the Russian emigration: the journals “Vstrechi”, “Chisla”, “Russkiye zapiski”. As an art critic, he left his mark on the foreign press.⁵¹

Starting from the end of December 1924, after Ras–2 moved from Berlin to Paris and replaced the editor-in-chief (V. Jabotinsky instead of Sh. Gepshtein⁵²), Berkhin became its co-editor and one of the key authors. The Russian-Jewish poet D. Knut, who was well acquainted with Berkhin, described his work in two printed organs, PN and Ras–2, which were different in their ideological tasks and readership, in the following joking lines:

Как гость незванный на банкете,
 Во всем испытываем страх...
 Как незаконную комету
 Мы новостей ждем из *Рассвета*,
 Рассвет встречаем в *Новостях*⁵³.

⁵⁰ Special thanks to the staff of the Slavic Library of Prague.

⁵¹ See for example: M. Berkhin-Benedictoff, *Der jüdische Tanz*, “Der Tanz” 1929, March, pp. 3–4.

⁵² Shlomo (Solomon) Kalmanovich (Kliment'yevich) Gepshteyn (1882–1961), architect, journalist, editor, Zionist figure. Born in Odessa. In 1912 he graduated from the St. Petersburg Academy of Arts with a degree in Architecture. Having joined the Zionist movement from a young age, he was a regular contributor to the magazines “Yevreyskaya zhizn” and Ras–1. From 1922 to 1924 he edited the weekly Ras–2 in Berlin, which found a new, post-Russian life in exile. In 1925 he settled in Eretz-Israel, where he was engaged in the architectural design of buildings, becoming one of the leading figures of the Tel Aviv Bauhaus, and collaborated in revisionist publications, mainly in the newspaper “Doar Hayom”. Author of a book about V. Jabotinsky, see: Sh. Gepshteyn. *Zeev Jabotinsky: hayav, milkhamto, hesegav* (Zeev Jabotinsky, *Life, Fight, Achievements*. Tel Aviv: Hahanhala harashit shel keren Tel Hai, 1941) and honorary president of the Jabotinsky Institute in Tel Aviv. His unfinished memoirs about the history of the Zionist movement in Russia were published after his death, see: S. Gepshteyn, *Russian Zionists in the Struggle for Palestine: From Memoirs*, in: Ya.G. Frumkin et al. (ed.), *Kniga russkogo evrejstva. 1917–1967*, Union of Russian Jews, New York, pp. 386–98.

⁵³ В. Хазан, *К портрету Михаила Берхина*, “Лехаим” 2003, no. 2 (250).

Berkhin's journalistic work was paid only in PN, his editorial work and articles in Ras-2 were fed only by naked enthusiasm and ardent faith in the Zionist idea. When, as I. Remba says, an article about the famous lawyer N. Karabchevsky, which was written by M. Gol'dshteyn⁵⁴, was published in Ras-2, O. Gruzenberg was furious when he read the following lines in it:

Роль Карабчевского в деле Бейлиса еще недостаточно осознана и оценена. Но когда развеются последние следы газетной шумихи и извращенных перспектив, — тогда история скажет, как велика, незаменима и несоразмерна была эта роль⁵⁵.

A brilliant lawyer, but an extremely suspicious, capricious and vain person, Gruzenberg saw himself, if not the only, then, in any case, the main defender in the trial of M. Beilis and did not intend to share the laurels of the winner with anyone else. He turned to Jabotinsky with an angry letter, demanding that Berkhin be punished, through whose fault, allegedly, such a biased, as it seemed to him, assessment of another lawyer got into the press. Trying to calm him down and protect Berkhin, Jabotinsky wrote to Gruzenberg in response that he did not have as many devoted and loyal fans as the editor of Ras-2, who took on an inhuman burden: "working in PN for a living and contributing his leisure time to us"⁵⁶.

In both publications, Ras-2 and PN, the role of Berkhin, if we talk about him not as the author of numerous materials published in them, but about his own editorial functions (in the department of foreign affairs in PN and one of the co-editors of Ras-2)⁵⁷, remained "behind the scenes". In both editorial offices he had to deal with current editorial work: editing other people's manuscripts, writing editorial columns⁵⁸ and a large number of unsigned notes of an informational nature. Over time of course, there is no way to attribute them to establish their authorship. It is possible that it was he who was writing the weekly rubric *Za nedelyu* (*In a week*) in PN, which covered international events⁵⁹.

⁵⁴ See: M.L. Goldstein, *In memory of Nikolai Platonovich Karabchevsky*, "Ras-2" 1925, no. 50, December 13, p. 5. The article was intended to be an obituary: N.K. Karabchevsky died in Rome three weeks earlier, on November 22, 1925. See: М.Л. Гольдштейн, *Памяти Николая Платоновича Карабчевского*, "Рас-2" 1925, no. 50, 13 декабря, p. 5.

⁵⁵ *Ibidem*.

⁵⁶ I. Remba, *Kefi she-hikartim: Bnei doru shel Jabotinsky*. . . , p. 147–48.

⁵⁷ The second co-editor of V. Jabotinsky was I. Shekhtman.

⁵⁸ Berkhin "was one of the four" "leaders" of the newspaper (the other three were P.N. Milyukov, A.M. Kulisher, and Yu. Delevskiy)". *Ibidem*, p. 190.

⁵⁹ Compare with the testimony of one of the authors of PN and a direct eyewitness to the internal life of the editorial office: "M.A. Aldanov was closer to the newspaper than other writers, even doing internal

In addition to these publications, starting from the mid-30s Berkhin began to cooperate with another major organ of the Russian émigré press — the Riga newspaper “Segodnya” (“Today”), on the recommendation of Ya.M. Tsvibak (A. Sedykh). See the beginning of the latter’s letter to one of the editors of “Segodnya” M.S. Mil’rud, dated November 28, 1935:

Дорогой Михаил Семенович!

С большим трудом мне удалось найти коллегу по редакции [ПН], который в принципе согласился телефонировать вам по утрам. Это — Михаил Юрьевич Бенедиктов, с которым Вы вероятно, знакомы. Он делает первую страницу *Последних Новостей*, два раза в неделю пишет передовицы по иностранной политике и абсолютно подходит для этой работы. Лучшего сотрудника я не мог бы Вам предложить. Мих[ихаил] Юрьевич не только прекрасный человек по своим личным качествам, но и очень осведомленный журналист по вопросам французской и европейской политики. [...] Поэтому я очень настаиваю на том, чтобы Вы приняли предложение Бенедиктова. С.Л. Поляков-Литовцев сейчас очень стеснен в материальном отношении, но и он после некоторого колебания отказался, несмотря на то, что заработок ему нужен. Работа слишком тяжелая и плохо оплачиваемая.

Адрес Бенедиктова: M-r Benediktoff, 29 Rue Hyppolite Maindron, Paris. Телефон Suffren 69-04⁶⁰.

In a reply letter to Zviback dated December 2, 1935, Mil’rud wrote:

Во вчерашней телеграмме мы указали, что просим Бенедиктова приступить к работе в виде опыта. Дело в том, что принимать длительных обязательств по этому вопросу мы вообще не можем, т.к. не знаем еще, насколько телефонограмма себя оправдывает. А это удовольствие дорогое. Во-вторых, мы не знаем, насколько удачны будут передачи М[ихаила] Ю[рьевича]. Нам нужен не столько политический анализ событий (это в меру все же желательно), но главным образом телефонограмма должна быть насыщена яркими фактами. Удастся ли это сделать М[ихаилу] Ю[рьевичу], — увидим. Затем, возникает еще вопрос об условиях. Плата в 50 франков вдвое превышает наши предположения. Если речь будет идти о нескольких единичных передачах, то, конечно, из-за 25 фр[анков] торговаться не стоит, но если передача телефонограмм примет постоянный характер и если эта работа подойдет для М<ихаила> Ю<рьевича> и он для нас, то мы, конечно, поставим вопрос о менее дорогом гонораре. Но думаю, что мы по этому вопросу столкнемся⁶¹.

editorial work: for a number of years he, in line with M.Yu. Berkhin, made the first page of the newspaper dedicated to political and world events”. А. Седых, *Русские евреи в эмигрантской литературе*, in: Я.Г. Фрумкина et al. (ed.), *Книга о русском еврействе, 1917–1967*, Союз русских евреев, Нью-Йорк, p. 434.

⁶⁰ Ю. Абызов, Л. Флейшман, Б. Равдин, *Русская печать в Риге: Из истории газеты ‘Сегодня’ 1930-х годов (в 5-ти книгах)*, кн. IV: *Между Гитлером и Сталиным*. Stanford, 1997, p. 182–83 (Stanford Slavic Studies, vol. 16).

⁶¹ *Ibidem*, p. 184.

Berkhin very quickly proved his skill as a reporter: “on the basis of a three-minute telephone conversation with him, was compiled a newspaper article of “at least 300 printed newspaper lines”⁶². See Mil’rud Zvibak’s letter dated December 9, 1935:

Дорогой Яков Моисеевич,
Сейчас получил Ваше письмо от 5-го [декабря]. До того я уже писал Вам, что мы очень довольны работой Михаила Юрьевича. Ко всем его достоинствам надо прибавить еще очень приятный и четкий голос, что для передачи телефонограмм имеет такое же значение, как фотогеничность для кино-дивы. Наша работа, кажется, хорошо наладилась, и надеюсь, что и в дальнейшем пойдет без перебоев⁶³.

The trajectories of human destinies are unpredictable. A few years before becoming an international correspondent for “*Segodnya*”, Berkhin spoke rather harshly about that newspaper and its editorial staff. On June 16, 1933, in Tel Aviv, a well-known Jewish political figure of the left, Labor camp, writer and publicist Khaim Arlozorov (by the way, a close relative of Berkhin) was assassinated. Suspicion fell on the Revisionists, one of whose leaders was Berkhin. His colleague in the PN, émigré poet and prose writer Ant. Ladinsky wrote in his diary (entry dated June 28, 1933):

[Берхин] говорил Ц[вибаку?] о какой-то статье в газете *Сегодня* по поводу видного сиониста: «я напишу в *‘Рассвет’*, как латвийская газета, на русском языке, под редакцией трех выкрестов (Мильруд, Ганфман и Харитон) смеет говорить о сионистских делах (мат по адресу выкрестов). В[акар?] заметил мне: «А как же он еврей и сионист пишет передовицы по русским делам?»⁶⁴.

In one of the first articles, in which Berkhin’s biography was briefly outlined, it was already noted that

In the 1930s, the Berkhins’ house became one of the centres of cultural life of the Russian and Russian-Jewish diaspora. It was often possible to meet there the sculptor Nachum Aronson, the painters Marc Chagall⁶⁵ and Mane-Katz, and the poet Dovid Knut⁶⁶.

The personality of Berkhin showed an ideological and cultural “bipolarity”. He was a nationalistic Jewish figure, firmly oriented towards Zionist values, while at the same time was a representa-

⁶² Ibidem, кн. V: *Близость катастрофы*, р. 56.

⁶³ Ibidem, кн. V, р. 187.

⁶⁴ Quoted after: В. Хазан, *К портрету Михаила Берхина*...

⁶⁵ See below Chagall’s letter of condolence to Berkhin in connection with the death of the latter’s wife.

⁶⁶ В. Хазан, *К портрету Михаила Берхина*...

tive of the Russian creative intelligentsia. This state of affairs has already been discussed above. It was perhaps especially fully manifested precisely in the 20–30s, when, on the one hand, he became one of the architects of the theory and practice of Revisionism, and, on the other hand, remained among the key figures in the world of liberal Russian journalism. In the latter guise he shared the common fate of Russian intellectuals in exile. The noted “bipolarity” certainly had a certain measure of internal inconsistency and a certain “ideological” and spiritual dichotomy⁶⁷, but it never became an eclectic combination of mental, cultural, moral and psychological codes that were incompatible in principle. In this sense, Berkhin was a classic type of Russian-Jewish intellectual, in which Jewish roots and the being imbued with Russian culture form inseparable and indivisible integrity.

Berkhin’s involvement in the Revisionist movement headed by Jabotinsky, of course, did not happen overnight. It was prepared by a long spiritual formation of his personality, which would be fascinating, useful and instructive to trace in all details⁶⁸. However, this problem, which requires a more extensive and lengthy study, is beyond the scope of this essay.

Before the threat of a Nazi invasion of Paris, Berkhin, like many of his other colleagues in the craft, and Jews above all, left the capital of France in July 1940 and fled to Montpellier. He lived there from August 1940 to 1941⁶⁹, and then emigrated with his family to the USA.

In New York, the Berkhins settled at 501 West 111st Street in upper Manhattan, in the Columbia University area. The American period was perhaps the most politicized in the life of Mikhail Yurievich. In 1943, he joined the Emergency Committee, which was engaged in saving the Jews of Europe from the tragedy of genocide that hung over them. He also became a member of The Hebrew Committee of National Liberation, founded by the American lawyer Peter Bergson, serving (along with the Romanian-American writer of Jewish origin Konrad Berkovici) as editor of “The Answer” magazine. Along with this, Berkhin joined Etzel (Ha-Irgun Ha-Tsvai Ha-Leumi, The national military organization). That was a Jewish underground organization that operated in Eretz Israel

⁶⁷ See, for example, how in the obituary of the famous theatre and art critic, ballet historian and translator Andrei Levinson, who constituted an undeniable authority for him in the world of culture and art, Berkhin discusses with the a-Zionism of the deceased. M. Berkhin, *In Memory of A.Ya. Levinson*, Ras-2 1934, no. 1, January 15, p. 7.

⁶⁸ A certain basis for such a study is found in the memoirs of I. Remba, repeatedly cited in our essay. I. Remba. *Kefi she-hikartim: Bnei doru shel Jabotinsky...*, p. 143–152.

⁶⁹ At the address 5, Avenue Lepic (See: JI-MBA. 4-431B-. 554969).

from 1931 to 1948. In addition, he edited with I. Frenkel (with the participation of J. Brutskus, M. Vishnitzer and S. Polyakov-Litovtsev, treasurer B.S. Mirkin; secretary B.I. Rabinovich), a fortnightly magazine, "Zarya", dedicated to Jewish interests (the editorial office was located at: 112, West 42 Street, room 618, New York).

In 1942, in collaboration with Eliyahu Ben-Horin, Berkhin published *The Red Army*⁷⁰, which was generally met with a rather cool reception, since the description is based on journalistic facts, rather than deep historical analysis.

On March 4, 1946, terrible grief came to Berkhin's house: his wife, a faithful companion who had accompanied him for a quarter of a century, died. The number of responses to her death (see: "Novoe Russkoe Slovo"⁷¹, 1946, March 6) testified to the genuine mourning that gripped the circle of family friends. Among those who in those bitter days expressed their condolences to Berkhin was his old Parisian friend Marc Chagall, who wrote to him on March 8, 1946:

Дорогой друг

Узнал с опозданием о Вашем горе. Судьба не очень милостива к нам. Я не имею слов, и к чему они, чтоб выразить Вам мое «сочувствие». Особенно больно, когда молодые женщины такой доброты преждевременно уходят. Я не знаю, нужно ли Вам сказать это, чтобы мне в свое время не говорили — я же был и есть в трансе.

Время и работа!

Желаю Вам и сыну здоровья.

Ваш Марк Шагал⁷²

Widowed, Berkhin returned in 1948 to Paris, where he intended to head the publication of a Russian-Jewish newspaper. He was convinced that it would not be possible to put this enterprise into practice. Therefore, in the winter of 1948–1949, following the formation of Israel, he followed the advice of his close friend M. Begin, the future prime minister of the country, to settle in his ancestral home and join the central committee of the Herut (Freedom) party. The latter was founded by members of Etzel mentioned above, who turned the militant underground organization into a parliamentary party. From that time, he became one of the leading political columnists for the newspaper Herut, the main publication of this eponymous party. His survey of political life in Israel at an early stage in the development of the state, *La vie politique dans l'Etat d'Israël*, co-authored with his adopted son, was published in

⁷⁰ Michel Berchin and Eliahu Ben-Horin. *The Red Army*, W.W. Norton & Co. Inc., 1942.

⁷¹ Edition of March the 6th, 1946.

⁷² Quoted after: В. Хазан, *К портрету Михаила Берхина...*

the Parisian journal “Revue Française de Science Politique” (1952, vol. 1, no. 1/2: 156–166)⁷³.

Berkhin died on August 5, 1952. His death occurred in the Hadassah hospital after an operation to remove a cancerous tumour. The funeral took place at Tel Aviv’s Giv’at Shaul cemetery on August 6.

Berkhin’s grave in Givat Shaul Cemetery, foto. Anna Balestrieri, 2022.

Berkhin’s death was reported by “*Novoe Russkoe Slovo*” in New York:

Бывшие сотрудники газеты *Последние новости* с глубоким прискорбием извещают о кончине Михаила Юрьевича Берхина (Бенедиктова), последовавшей 4 августа в Тель-Авиве⁷⁴.

The words of Israeli writer, poet, publicist, political philosopher and public figure Y. Margolin, who knew Berkhin well, expressed great appreciation for him. He dedicated an article to him that was written on the second anniversary of his death. His words that make the title of our essay convey the importance of this figure very accurately. Berkhin was extremely remarkable both in himself and in the historical role that he happened to play in the development of the Zionist ideology, and — which was especially impor-

⁷³ M. Berchin et J. Gottmann, *La vie politique dans l’Etat d’Israël*, “Revue Française de Science Politique” 1951, t. 1, no. 1/2, janvier-juin, p. 156–166.

⁷⁴ “Новое русское слово” 1952, no. 14712, 7 августа, p. 1; см. там же его безымянный некролог.

tant for us to emphasize — as a very interesting phenomenon in the study of Russian-Jewish cultural dialogue.

This article is one of the chapters of the dissertation *Russian-Jewish Press in the Emigration: The Case of 'Rassvet' (1922–34, Berlin–Paris): Internal History and External Context*, on which the author is currently working. The main materials of this study are based on archival documents stored at the Jabotinsky Institute in Israel (Tel Aviv), to whose staff I express my deep gratitude for their help. I express my heartfelt thanks to L.G. Zhukhovitskaya (Moscow), who assisted me in obtaining hard-to-reach materials, and I feel indebted to Professor R. Timenchik and Dr. G. Weissblei (both from Jerusalem) for their invaluable scientific advice.

The work was carried out under the international grant of the Sefer Center for research on the history and culture of Russian Jewry in various historical periods. The grant was provided as part of the charitable program "Academic Jewish Studies in the Post-Soviet Space", supported by the Genesis Philanthropy Group.

References

- Abitbol, Michel. *Les Deux Terres Promises. Les Juifs de France et le Sionisme*. Paris: Éditions Olivier Orban, 1989.
- Abyzov, Jurij. *Gazeta "Segodnja": rospis' 1919–1940* (2 vol.). Riga: Latvinskaja nacional'naja biblioteka, 2001.
- Abyzov, Jurij, Ravdin, Boris, Flejshman, Lazar'. *Russkaja pečat' v Rige: iz istorii gazety "Segodnja" 1930-ch godov* (17 vol.). Stanford: Stanford Slavic Studies, 1997.
- Budnickij, Oleg (ed.). *Evrei i russkaja revolucija*. Moscow–Jerusalem: Gesharim, 1999.
- Budnickij, Oleg (ed.). *Evrejskaja emigracija iz Rossii. 1881–2005*. Moscow: ROSSPEN, 2006.
- Cohen, Aaron J. "Oh, That! Myth, Memory, and World War I in the Russian Emigration and the Soviet Union." *Slavic Review*, vol. 62, no. 1, 2003: 69–86.
- Don-Aminado. *Nasha malen'kaya zhizn': Stikhotvoreniya. Politicheskiy pamflet. Proza. Vospominaniya*. Sost., vstup. stat'ya, komment. V.I. Korovin. Moscow: TERRA, 1994.
- Freeze, ChaeRan. *Khar'kiv*, <<https://yivoencyclopedia.org/article.aspx/Kharkiv>>.
- Gousseff, Catherine. *L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride (1920–1939)*. Paris: CNRS éditions, 2008.
- Graur, Mina. *The Revisionist-Zionists Chronology 1923–1949*. Tel Aviv: The Jabotinsky Institute in Israel, 2014 (in Hebrew).
- Graur, Mina. *The Voice of a Party: Revisionist Movement and its Press*. Tel Aviv: The Jabotinsky Institute in Israel, 2002 (in Hebrew).
- Hassel, James E. "Russian Refugees in France and the United States between the World Wars." *Transactions of the American Philosophical Society*, vol. 81, no. 7. 1991: 1–96.
- Horowitz, Brian. *Vladimir Jabotinsky's Russian Years 1900–1925*. Bloomington: Indiana University Press, 2020.
- Jabotinsky, Vladimir, et al. *Letters* [18 vol.]. Jerusalem: Jabotinsky Institute of Israel, 1992 (in Hebrew).
- Jabotinsky, Vladimir. *Povest' moikh dnei*. Jerusalem: Biblioteka Aliya, 1988.
- Jabotinsky, Vladimir. *Story of my life*. Detroit: Wayne State University Press, 2016.
- Kac, Shmuel. *Odinokij volk. Zhizn' Zhabotinskogo* [2 vol.]. Tel Aviv: Irvus, 2000.
- Kaplan, Eran. *The Jewish Radical Right: Revisionist Zionism and Its Ideological Legacy*. Madison: University of Wisconsin Press, 2005.

- Johnston, Robert Harold. *New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945*. Kingston: McGill-Queen's UP, 1988.
- Khazan, Vladimir. *Dovid Knut: sud'ba i tvorchestvo*. Lyon: Centre d'Études Slaves André Lirondele, Université Jean-Moulin, 2000.
- Khazan, Vladimir. "K portretu Michaila Berchina." *Lechaim.ru*. <<http://www.lechaim.ru/ARHIV/250/hazan.htm>>.
- Khazan, Vladimir. *Osobennyj evrejsko-russkij vozduch*. Moscow–Jerusalem: Mosty kul'tury — Gesharim, 2001.
- Korostelev, Oleg, Šruba, Manfred (eds.). "*Sovremennye zapiski*" (*Parizh, 1920–1940*). *Iz archiva redakcii* [Vol. 1]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
- Korostelev, Oleg, Šruba, Manfred (eds.). *Vokrug redakcionnogo archiva "Sovremennykh zapisok" (Parizh, 1920–1940)* [5 vol.]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
- Kudelko, Sergey. *Istoricheskiy ocherk. Ot kazach'yego poseleniya — do krupnogo promyshlennogo, kul'turnogo i nauchnogo tsentra*, <<https://www.city.kharkov.ua/ru/o-xarkove/istoriya/istoricheskiy-ocherk.html>> [Куделко, Сергей. *Исторический очерк. От казачьего поселения — до крупного промышленного, культурного и научного центра*, <<https://www.city.kharkov.ua/ru/o-xarkove/istoriya/istoricheskiy-ocherk.html>>].
- Markish, Shimon. "Quand Vladimir Jabotinsky était parisien. 'Le Rassvet', revue sioniste-révisionniste en langue russe", *Archives Juives*, no. 36/1, 2003.
- Moskovich, Wolf, Khazan, Vladimir, Breuillard, Sabine. *Evrei Rossii — immigranty Francii. Očerki o russkoj emigracii*. Moscow–Jerusalem: Mosty kul'tury — Gesharim, 2000.
- Nikoljukin, Aleksandr. *Literaturnaja enciklopedija russkogo zarubež'ja (1918–1940). Periodika i literaturnye centry*. [Vol. 2]. Moscow: ROSSPEN, 2000.
- Parkhomovskij, Mikhail (ed.). *Evrei v kul'ture russkogo zarubež'ja* [25 vol.]. Jerusalem: Michail Parchomovskij, 1992–2011.
- Parkhomovskij, Mikhail (ed.). *Russkoe evrejstvo v zarubezhe* [10 vol.]. Jerusalem: Russian Jewry Abroad, 2000–2003.
- Raeff, Marc. *Russia abroad. A cultural history of the Russian emigration (1919–1939)*. New York–Oxford: Oxford University Press, 1990.
- Remba, Isaac. *Kefi she-hikartim: Bnei doru shel Jabotinsky*. Ramat Gan: Tnuat ha-herut, 1959.
- Schechtman, Joseph B., Benari, Yehuda. *History of the Revisionist movement*. Vol. 1. 1925–1930. Tel-Aviv: Hadar, 1970.
- Schechtman, Joseph B. *The Vladimir Jabotinsky Story* [2 vol.]. New York: T. Yoseloff, 1956–1961.
- Šruba, Manfred, Korostelev, Oleg (eds.). *Pseudonimy russkogo zarubež'ja. Materialy i issledovanija*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
- Slobin, Greta. *Russians Abroad. Literary and Cultural Politics of Diaspora (1919–1939)*. Brighton: Academic Studies Press, 2013.
- Slutsky, Yehuda. *The Russian-Jewish Press in the Twentieth Century*. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1978 (in Hebrew).
- Stanislavski, Michael. *Zionism and the Fin de Siècle — Cosmopolitanism and Nationalism from Nordau to Jabotinsky*. Los Angeles: University of California Press, 2001.